

Кош-Агач — районный центр в Республике Алтай, самый удаленный от республиканского центра, — более чем на полтысячи километров, — затерявшийся в долине, словно на гигантской ладони среди первозданной красоты гор со снежными вершинами, водопадами, среди чистейших озер, рек и родников, в преддверии пустыни Гоби. Необычное село, стоящее на границе четырех держав: России, Китая, Монголии и Казахстана, а потому и населяют его люди разных национальностей, больше — казахи. Испокон века жили и живут здесь и алтайцы, и

* Очерк из подготовленной к печати авторской трилогии повестей, рассказов, эссе, очерков и стихов, объединенных серией «Моя малая родина — Горный Алтай».

русские, и представители других национальностей. Дружно жили, как одна семья, во всяком случае, до недавнего времени, однако это тема другого, очень серьезного разговора, которую в этом материале я не берусь затрагивать, потому что превалируют эмоции человека, вернувшегося на родину предков-алтайцев и русских, в ту точку мира, где я появилась на свет и куда меня так тянула душа, предчувствуя обрести здесь умиротворение, гармонию и согласие с самой собой и со всем миром, чего так жаждала она... Эти своего рода путевые заметки отличаются от записок беспристрастного путешественника, пусть и очарованного и восхищенного увиденным, тем, что в них взгляд — через призму личного, ностальгического

восприятия.

Для меня Кош-Агач — место особое, исключительное, дорогое сердцу. Здесь я родилась, как и мои старшие сестра и два брата. Один из братьев, Юра Егуев, похоронен в Кош-Агаче. Он умер в четыре года от менингита. На местном кладбище покоится прах и моей бабушки, Анастасии Максимовны Егуевой — матери моего отца, коренного алтайца по национальности, и тети Сони, маминой сестры, русских, из старообрядцев в далеком прошлом, из крепкого рода Леонтьевых. Зато в Кош-Агаче живет семья ее младшего сына, Николая Каспинского. Коля, в середине семидесятых годов прошлого века, вернувшись из армии, женился на кош-агачинской красавице — казашке Наде и остался здесь. Шоферил на Чуйском тракте, строил дорогу на Джазатор (Беяши) — высокогорное, самое удаленное в Горном Алтае село, расположенное в долине одноименной реки Джазатор, окруженной отрогами Южно-Чуйского хребта. Главная вершина его — пик Иикту возвышается почти на четыре тысячи километров. К югу, за горными хребтами, в кольце гор лежит знаменитое плато Укок — реликтовый природный парк, священное для аборигенов-алтайцев место, средоточие древнейших курганных захоронений разных пе-

риодов — зона Тишины, где даже кричать нельзя: считается святотатством и осквернением духов. Здесь и была обнаружена археологами мумия алтайской принцессы, которая хранится ныне в саркофаге, в Горно-Алтайском национальном музее им. Анохина. Специалисты пытаются разгадать хранимую ею многовековую тайну, зашифрованную в рисунках и письменах на ее теле.

Коля с Надей вырастили троих детей, сейчас помогают воспитывать внуков. Старший его брат, Иван Каспинский, тоже живет неподалеку от Кош-Агача — в высокогорном селе Чибит.

...Я смутно помню свои младенческие годы в Кош-Агаче. Меня увезли отсюда в двухлетнем возрасте, брату Володе было пять лет. Уехали отсюда в предгорную Майму по болезни мамы, ей был противопоказан высокогорный климат. К машине ее, тогда еще молодую, вели под руки, настолько подкосила ее болезнь. Отец мой, Дмитрий Алексеевич Егуев, в Кош-Агач был направлен по партийной линии начальником сельхозуправления в 1947 году, а уехала наша семья отсюда в 1955 году. Но всю жизнь мои родители и старшая сестра Валентина часто и с особой теплотой вспоминали Кош-Агач. И по их воспоминаниям и у меня сложилось особое отношение к тем местам, дорогим мне еще и тем, что они столь тес-

но связаны с моими родителями, с историей нашей семьи. Как заядлый охотник и рыбак, отец сожалел о превосходной охоте и рыбалке. В Кош-Агаче для того — все условия: реки, бесчисленные озера и до сих пор изобилуют рыбой, — благородный хариус здесь — обычная рыба, а османы вообще кишмя кишат, хоть руками лови. В болотах полно дичи — утки, чирки. Бывало, как рассказывал папа, за час — другой недалеко от села целый мешок уток и чирков настреляет. В горах полно всякого зверья, на которого охотились. Вяленое маралье мясо, дикая козлятина, как и домашняя баранина, не сходили со стола. Кстати, самая вкусная и нежная в Горном Алтае кош-агачинская баранина и по сей день — основная пища в меню местных жителей, отличающихся особым гостеприимством. Томленный чай с молоком, тушеная баранина, баурсаки (мучные шарики, поджаренные в масле) — всегда на столе, потому что здесь принято ходить в гости друг к другу — соседям, односельчанам, родственникам без предварительных звонков и предупреждений — в любое время. И всегда для каждого открыты двери дома и накрыт стол. Так и в семье Каспинских: с порога любого гостя сразу же за стол приглашают, и чаепитие с дымящейся с жару ароматной бараниной длится подолгу за неспешными разговорами о житье-бытье, о родных и

близких, о повседневных хозяйственных делах. И нет ни у кого ни от кого никаких секретов. И каждый знает все не только о тебе самом, но и твоих родных и о предках твоих, и принимает доброжелательное ненавязчивое участие в твоей судьбе и желает тебе добра.

Прекрасный обычай, человеческий, чего так не хватает нынешнему городскому жителю, лично мне, например. Здесь, как сложилось у меня впечатление, человек не чувствует себя одиноким, если даже живет один. Ведь одиночество в толпе людей, одиночество людей в больших городах, где никто никому не нужен — наша общая беда. И пусть разговоры гостей зачастую переходили с русского на казахский, мне вовсе необязательно было понимать язык, важна была сама атмосфера, спокойная, душевная. Я сидела за этим общим столом, молча пила чай из пиалы, а в голове крутилась мысль о том, что люди должны быть людьми каждый день, каждый миг своей жизни и щедро дарить тепло другим, распространять его вокруг себя, дабы согреть всякого, попавшего в ауру твоего света. От такого радушного, искреннего и бесхитростного общения и я всего лишь за несколько деньков, проведенных в семье Каспинских, всей душой, всем своим существом отдохнула, оттаяла от городской суеты и обособленности и воспряну-

ла, будто окунулась в первозданную какую-то купель человеческих взаимоотношений, накупалась, освежилась, напилась живительной для души влаги, надышалась тем живительным воздухом, который дает силы жить, вдохнула чистого воздуха в прямом и переносном смысле слова: наполнила свой воздушный пузырь, чтобы и дальше держаться наплаву в городской суете большого европейского города.

...Говорят, в переводе с тюркского языка Кош-Агач означает одно дерево. Ведь эти места — преддверие пустыни Гоби. В те годы, когда там жили мои родители, здесь действительно было только одно дерево — тополь возле больницы. Он и сейчас там растет. В Кош-Агаче действительно растительности маловато: нет привычных в горах Алтая хвойных и лиственных деревьев, хотя предание гласит, что и здесь когда-то были леса. Но сейчас превалируют колючка каргана, которую умудряются охотно поедать овцы и даже коровы; чий — ушколистое, жесткое растение, произрастающее кучками. Правда, в последние годы у добротных кирпичных и деревянных домов все больше появляется зелени: кустарники, деревца и даже цветы. Как-то у Каспийских возле дома сама собой выросла крапива. Глаз радуется: какая-никакая, а живая зелень. Одно время Надя в пар-

никах зеленку выращивала, но больно хлопотное это дело, с возрастом забросила его.

БЕЛАЯ ЗЕМЛЯ КОШ-АГАЧА

Кош-Агач — дивное место, будто другая планета, другой мир. Природа, люди, традиции — для меня на каждом шагу открывается здесь что-то необыкновенное, непривычное или уже утерянное горожанами. Я не уставала восхищаться и щелкать затвором фотоаппарата, впитывая обонянием, осязанием, глазами то, что встречалось на моем пути, чтобы все это запечатлеть, унести в своем сердце, создав так для себя новые островки памяти, те, что греют душу в трудные минуты в течение всей жизни. И необыкновенное чувство восторга, удивления и какой-то даже гордости за столь необыкновенную землю наполняло меня от осознания того, что именно здесь, на этой сказочной земле, на самом краю света, как мне представлялось, я появилась на свет. Здесь все мне дорого. И все — открытие.

...Белая земля — солончаки под ногами, и на этой земле, в падине, оставшейся, видимо, от весеннего паводка — белый череп лошади. Омываемый дождями, обдуваемый ветрами, нещадно палимый ослепительно ярким здесь солнцем, засыпаемый снегами и сковываемый зимними сту-

жами, он стал такой же белый, как земля. Что интересно, Кош-Агач — зона вечной мерзлоты, приравненная к районам Крайнего Севера, — не случайно до недавнего времени здесь строили в основном облегченные (без углубленного фундамента) дома из самана, — и одновременно это — самое солнечное место в Сибири. Здесь больше всего в году бывает солнечных дней и солнце необыкновенно, ослепительно яркое, палящее в жару. Но едва оно уйдет за отроги гор, как становится холодно, хоть шубу надевай, а в августе-сентябре нередко уже прилетает снег. На вершинах гор он вообще вечный, никогда не тающих. И все вместе — белая земля, белый череп, а вокруг темно-серые горы и остроконечные скалы с белоснежными вершинами, сверкающими на солнце, — создает какую-то нереальную, былинную картинку. Как он, этот череп, сюда попал? Кто его выбросил?! Для местных старожилов оно привычно: лошади здесь — вовсе не экзотика. Лошади есть у многих. В горах пасутся не только стада овец, коз, коров, даже сарлыков и яков, но и табуны лошадей. Кстати, и караваны верблюдов проходят горами как бы сами по себе. Собственными глазами все это видела. Мясо съели, кость выбросили и, проходя мимо, никто на этот череп даже внимания не обраща-

ет, будто и вовсе его не замечают. Никто, кроме меня. Мне же, глядя на него, чудится иная картина: то из пушкинской «Песни о вещем Олеге», когда волхвы предрекли:

«...Твой конь не боится опасных трудов;

Он, чуя господскую волю,

То смиренный стоит под стрелами врагов,

То мчится по бранному полю.

И холод, и сеча ему ничего...

Но примешь ты смерть от коня своего...

...Вот едет могучий Олег со двора,

С ним Игорь и старые гости,

И видят — на холме,

у берега Днепра,

Лежат благородные кости;

Их моят дожди, засыпает

их пыль,

И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил

И молвил: «Спи, друг одинокой!

Твой старый хозяин тебя пережил:

На тризне, уже недалекой,

Не ты под секирой ковыль

обagriшь

И жаркую кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!

Мне смертью кость угрожала!»

Из мертвой главы гробовая змия

Шипя, между тем выползала;

Как черная лента, вокруг ног

обвилась,

И вскрикнул внезапно ужасенный

КНЯЗЬ...»

То словно слышалось мне эхо былых сражений древних воинов Джунгарского ханства, неистово, с гиканьем мчащихся на горячих лихих конях. Сколько тайн хранит эта древняя-древняя земля Кош-Агача, граничащая сразу с тремя государствами, издревле отличавшихся своей воинственностью.

...Ступаю по белой кош-ага-чинской земле, а на память приходят слова, услышанные мною когда-то в детстве от моего деда по матери, Григория Яковлевича Леонтьева, папы старого, как называли мы деда, чей род уходит древними корнями в старообрядчество. Человек набожный, глубоко верующий, он читал на старославянском языке таинственную старинную для нас, детей, книгу, толстую, тяжелую, в серебряном резном окладе, закрывающуюся крохотным ключиком на крохотный замочек. Написана она была непонятными нам словами и старинными буквами. Заглавные буквы в начале каждой главы были красными, с вензелями, будто выведенными художником от руки. Нам эту книгу, которую дед называл таинственным для нас словом «Библия», вообще брать не разрешалось. Может, это и добавляло ей в нашем восприятии пугающей загадочности. К тому же дед читал ее вслух на непонятном нам языке. А почитав Библию, по-

молившись и перекрестившись, обертывал ее в старинное льняное полотенце, сотканное, как говорили в семье, еще нашей прабабушкой из выращенного ею же и отбеленного на морозе, на берегу Катуни, льна и ею же вышитое крестиком красными нитками. Дед клал Библию высоко на божницу — треугольную полочку в переднем углу горницы. Крал осторожно, бережно, словно драгоценный хрупкий сосуд, который может упасть от неосторожного прикосновения и разбиться, рядом с потемневшей иконой Иисуса Христа, строго и вопрошающе глядящего на нас сверху. Мы, дети, как-то побаивались этого внимательно строгого взгляда Боженки и невольно притихали под ним.

Дед кое-что толковал о «Божественном», как он говорил, и нам, ребятишкам, но это не совсем нам было понятно и больше напоминало таинственную сказку с трагическим концом. Теперь-то я понимаю, что дедушка Григорий говорил иносказательно, библейскими притчами, не доходившими да нашего детского сознания. Он, помнится, сказывал нам и про белую землю: «В ту пору, до людского грехопадения, земля-то была белая, как есть вся белая, ровно снег. И люди были чисты, яко первый снег, греха не ведали. А как стали грешить да Бога не почитать, да беззаконие творить, и

брат поднял руку на брата, Каин убил Авеля, то от таких бед, от сраму людского земля и почернела. Но Бог-то — не мякишка, Он все видит, да пока терпит, долго терпит — до поры, до времени. А опосля начнется очищение земли от скверны. Сперва она три года огнем будет гореть, и воды на земле не будет. Люди, как стада баранов, будут брести в поисках ее. Увидят — вдали што-то блестя, подумают, што это река али озеро какое,— кинутся туды, а там — груды золота, но оно никому не будет надобно. Род-то людской больно охоч до золота — все одна нажива на уме, про душу-то совсем забыли. Вот Господь и пошлет ему вожделенное, да токма людям уже не до золота, када земля-то под ногами гореть зачнет. А опосля ее будет три года водой мыть — кругом вода будет, как при Ное. Тада земля отдохнет и снова станет белой, и люди будут чисты и светлы душою-то, што тебе ангелы пресветлые. Но я-то уж до того времени не доживу, и вы не доживете, не скоро это ишо будет», — заканчивал дед. А мы сидели притихшие, присмирившие от такого рассказа, от такого жуткого пророчества. Одно утешало, что это случится, как уверял папа старый, еще очень и очень не скоро и ни мы, ни наши родные, дорогие нам люди, не увидят этого.

...Белая земля Кош-Агача... Бе-

режно ступаю по ней и знаю, что это всего лишь солончаки — выстувившая и высохшая на солнце пеке соль, но почему-то так хочется думать, что это как раз и является, проступает та, белая земля, о которой вещал нам наш папа старый, и которая появляется там, где люди чисты и светлы душой, творят добро, а не зло...

ПОДМЕТАВШАЯ РЕЧКУ ЧАГАНКУ

Мы с Сергеем А., старостой Кош-Агачинской Петропавловской церкви, уроженцем здешней же земли, моряком в прошлом, выстроившим и свой дом в этом селе в виде огромного корабля, вышли из храма после утренней Божественной литургии и моей встречи с прихожанами, на которой присутствовал и он. На этой встрече, проходившей под открытым небом, на территории нового заложенного храма я рассказывала прихожанам об организованном АНО «Семья России», по патриаршему благословению, православном Молитвенном Походе по пятнадцати российским городам, связанным с Августейшей семьей, в котором мне посчастливилось побывать нынче, в год 400-летия Дома Романовых и Российской государственности, а потому проходившим под эгидой «Царская Семья — семья России».

Сергей стал показывать местные достопримечательности, связанные с приходом: возводящийся народными силами новый храм, точь-в-точь, как прежний, сооруженный в позапрошлом веке и уничтоженный советской властью в тридцатые годы прошлого столетия,— хорошо, хоть фото ранешнего храма сохранилось, по нему и сооружается новый храм. Осмотрели и строящийся большой деревянный двухэтажный дом для настоятеля храма отца Павла, приезд которого на пастырское служение в этом приходе ожидался как только дом построится и большой многодетной семье священника будет где жить. Побывали и в крестовом деревянном доме для регента, уже отремонтированном, готовом принять своего хозяина. Вот только дело встало за регентом — нет пока такого.

Сергей водил меня по этим стройкам, обо всем подробно рассказывал. А потом мы вышли на берег реки Чуи, отсюда открывается великолепный вид на горы и дальние белоснежные хребты, откуда ветер приносит прохладную свежесть. Возвышается дамба, сдерживающая реку от затопления прибрежной части села в ее разлив. Пойма реки широкая, красивая, покрытая ярко-зеленой невысокой растительностью, которую щиплют пасущиеся здесь коровы, ло-

шадьи и овцы. Двое пацанов стрелглав несутся по прибрежной гальке к реке. Женщины, совсем молоденькая и зрелая, видимо, мать с дочерью, несут в тазах белье поласкать в реке — во всей этой картине было что-то первозданное, щемяще родное, знакомое.

Мы прошли еще немного по высоко отсыпанной гравием дорожке, до того места, где небольшая река Чаганка впадает в Чую. Чаганка в эту пору, в конце августа, как и все реки, притихла, обмелела, но вода в ней прозрачная. По ее дну выются длинные зелено-бурые космы водорослей. «Заросла речка,— сказала я,— тиной затягивается». — «Да,— согласился мой спутник,— а раньше здесь, на берегу, жила бабушка Феня, которая метлой подметала Чаганку. И речка всегда была чистая, без ила и тины. Теплая она, ребятишки любят в ней купаться, но сейчас заросла». — «Речку подметала метлой?!» — удивленно переспросила я, не веря своим ушам. — «Да, правда, правда — мела метлой каждый день,— добродушно подтвердил Сергей. — Она, бабушка-то Феня, жила вон в том домике, добрая такая была», — он указал на ветхие старые строения, ютившиеся чуть поодаль. «Умерла или уехала куда?» — поинтересовалась я. — «Умерла несколько лет назад, а уехать...

никуда бы она отсюда сроду не уехала, хоть хоромы ей предлагай. С этими местами она срослась, все ей тут родное было, поэтому, наверно, и реку мела, как в доме полы или землю в своей ограде».

Да, на самом деле, есть такие люди, счастливые люди, которые весь мир, а в особенности окружающее их пространство по-доброму так, а не потребительски и захватнически считают своим домом и украшают его, как собственное жилище, кто как может. В Майме я знаю Ирину, женщину в расцвете лет, которой с семьей много лет пришлось жить по квартирам, пока они с мужем свой дом не построили. И где бы они ни поселились как квартиранты, снимая частные дома, чтобы жить на земле, всюду она тут же высаживала цветы и всю усадьбу превращала в цветник. «Зачем тебе это надо? — говорили ей, — не твой ведь дом, временно живешь тут». — «А я люблю цветы, без них не могу», — отвечает она просто.

Видно, верно считается, что на свете живут четыре типа людей: созидатели, разрушители, потребители и созерцатели. Кабы первых — созидателей — было больше, чем иных, а их, к сожалению, гораздо меньше, насколько богаче, прекраснее была бы наша планета! Воистину она была бы раем

земным, каковым, наверно, ее Господь и замышлял первоначально для людей, даруя такое дивное разнообразие цветов и красок в природе, такое изумительное изобилие во флоре и фауне. И как говорит апостол Павел, именно через природу, через ее красоту земную Господь являет Себя людям.

Вот и бабушка Феня обихаживала вокруг себя все: и землю, и реку, потому что ощущала себя неразделимой частицей этого мира. Она жила в нем, как домовитая, заботливая хозяйка. Созидала не столько для себя, сколько для других: чтобы дети в чистой реке купались, да битым стеклом не поранились. Она, как сказал мой спутник, каждое битое стеклышко собственной рукой подбирала, и на земле валяющееся и на речном дне.

Над вершинами гор поднялось солнце, ласково, а не паляще, пригревая августовскую землю. Мы с Сергеем проходим мимо тех старых домиков, в одном из которых жила баба Феня, — таких домов в быстро строящемся Кош-Агаче почти не осталось. На их месте выросли добротные особняки, — на сваленных бревнышках заметили сидящую и греющуюся на солнышке старушку. «Здравствуйте! — издали приветствует ее Сергей, слегка поклонившись, — как поживаете?» Старуш-

ка прикладывает козырьком руку ко лбу и с любопытством вглядывается в нас: «А вы кто будете-то? Што-то не признаю...» — «Сергей я — храмовый староста». — «А-а! Сережа, здрастуй, милай, здрастуй, прости старую, глаза совсем худые стали — не признала. А куда идешь-то?» — «Да вот из церкви идем, со службы, заодно и гуляем по Кош-Агачу». — «А-а, оно так-то, а я вот слаба ногами, болят, до церкви дойти не могу, а хотелось бы...» — «Ну вы подлечивайтесь и приходите к нам». Бабушка, в знак согласия, мол, верно говоришь, кивает головой, повязанной цветастым платком, и что-то еще хочет сказать, но видя, что я навела на нее объектив фотоаппарата, отворачивается, встает и, ковыляя, медленно идет к своему старенькому домику. Мы видим только ее согбенную спину в теплом стеганом сером жилете. Попутно она с трудом наклоняется, держась одной рукой за спину, поднимает и отбрасывает в сторону от дорожки то камешек, то щепку. Видно, и эта старушка из тех, кто, как и баба Феня, очищает вокруг себя пространство, насколько хватает сил и рук. С теплотой и любовью смотрю вслед этой незнакомой старушке, такой почему-то мне вдруг ставшей родной и понятной. Вот и моя мама такая же была: всегда с дороги в сторону от-

кинет валяющуюся веточку ли, железяку какую или стекляшку, чтобы кто-нибудь невзначай не поранился. Сердце таких людей бесконечно емкое и щедрое. Оно вмещает в себя всех и все: людей, животных, природу — реки, дерева, землю; чужие радость и боль — весь мир и все добрые чувства, всех любит, всех прощает и всем готово помочь.

В ГОРАХ МОЕ СЕРДЦЕ

«...В горах мое сердце, донныне я там...»

Роберт Бернс

Будучи в Кош-Агаче, я вдруг неожиданно для себя поняла, почему так безумно люблю горы. Едва увижу первые скалы у Долины Свободы, подъезжая из Барнаула к Горному Алтаю, все во мне так и встрепенется; на месте усидеть не могу, как полковая лошадь при звуке трубы от нетерпения перебираю ногами. Так бы и выпрыгнула! Э-эх! Подняться бы на горку, подставить бы лицо тугому свежему ветерку, вольно гуляющему по каменистым вершинам, вдохнуть бы этот чудесный воздух, пьянящий, настоящий на разогретом жарким летним солнцем разнотравье с горьковатыми нотками горной полынки, от которого слегка закружится

голова; коснуться бы щекой, губами теплой от солнца скалы, лизнуть бы ее языком, с восторгом чувствуя ее сухую, горячую шероховатость, особый привкус древнего лишайника, цепляющегося за мелкие трещины в камнях, и всем своим существом, каждой клеточкой тела ощутить ни с чем не сравнимый запах свободы, ветра и солнца — именно так в моем восприятии пахнут горы и скалы. Они исцеляют своим собранным за день солнечным теплом, своей могучей силой, своей мощной энергетикой. На себе это испытала и вам советую: прижмитесь всем телом на вечернем заходящем солнышке к теплым скалам или лучше ложитесь на них, расслабившись, и вы почувствуете, как в вас вливается некая сила, питая и исцеляя энергией и теплом все ваши суставчики, мышцы и косточки, облагораживая душу, задавая нужный тонус и ритм сердцу.

...И вот я в Кош-Агаче встала на том самом месте, где когда-то стоял наш домик, и где я родилась, — он был цел до двухтысячных годов. Сейчас на месте нашего дома выстроено новое огромное здание, — передо мной открылся такой дивный вид на горы! Тот самый, неизменный за прошедшие годы вид, который когда-то открылся впервые моему детскому взору и на всю жизнь запечатлелся в моем сознании и в моей памяти нетленной, согрева-

ющей неиссякаемым теплом душу картиной, и навсегда заставил мое сердце полюбить горы и трепетать при их виде.

Загляну чуть в прошлое. В 1993 году мы приехали в Кош-Агач целым жуком — двенадцать человек: я с тремя своими детьми от восьми до шестнадцати лет; старшая сестра Валентина из Барнаула с сыном, снохой и внучкой; старший брат Володя из Москвы с женой и двумя дочерьми-подростками. Все мы, сестра, брат и я, родившиеся в Кош-Агаче, были здесь впервые с того времени, как в середине пятидесятых годов прошлого столетия уехали отсюда. Мы-то с братом были совсем маленькими, почти ничего не помнили из того периода, а Валя была уже взрослой девушкой и все знала и помнила о нашей жизни в этих местах. Вот и повела она нас по Кош-Агачу, все показывая, рассказывая; где, в каком здании работал наш отец: где, в аптеке, недолго работала мама, — здание старой аптеки, как и здание бывшего райкома партии, связанное с отцом, до сих пор сохранились; — где жила наша тетя Дуся, младшая сестра отца, и где она любила ловить под мостом османов, а потом вкусно их готовить — томить, а затем жарить — так, чтобы хрустели и их можно было есть вместе с размягчившимися и поджарившимися косточками. Привела она нас и к нашему бывшему

дому, тому самому, где мы с братом появились на свет. Дом в то время был цел и пустовал. Казахская семья, как и многие другие семьи казахов, уехала в девяностые годы в Казахстан, правда, потом многие вернулись назад, но это уже иная тема разговора. А тогда мы присели на ступеньки нашего пустующего дома, перед нами открылся великолепный вид на горы. Любуемся ими, красиво вырисовываемся на закате солнца.

Валя рассказывала, как я появилась на свет: «Я работала тогда в ЦСУ, отец возглавлял райсельхозуправление, пришли с ним на обед домой, а у мамы как раз схватки начались. Она свои длинные волосы распустила — так, считалось в народе, женщине легче родить, оперлась на огромный бордовый сундук из дерева, подаренный ей в юности родителями, с приданным, стонет, губы от боли кусает, но старается не кричать, чтобы Вовочку не пугать. Он, трехлетний, тут же крутится: «У мамы вава,— говорит». А мама кивает нам на него: «Уведите ребенка, чтобы не видел, врача позовите. Мне уж до больницы не дойти». Отец побежал за акушеркой в больницу, тогда же телефонов не было, тем более сотовых, как нынче. Я маме помогаю, чем могу, Вовочку отвлекаю, за бабушкой сбегала. Анастасия Максимовна, отцова мать, жила рядом с нами, у дочери Дуси.

Бабушка подошла к маме и тут же забегала, засуетилась: давай скорее печку растапливать на улице, воду в казане греть — «Ребенок,— говорит,— на подходе». Мне велела чистые полотенца и простыни доставать из сундука. И тут слышим мама зовет бабушку: «Мамаша, мамаша! Идите скорее ко мне!» Едва бабушка-то к ней подбежала, ты прямо на руки ей и упала. Тут отец с врачом подошли, а бабушка уж пуповину перерезала раскаленными на огне ножницами, мы уж тебя в тазу, в теплой водичке окупываем. Вот такая ты торопыха — с приключениями». — «Наверное, поэтому и живу все время с какими-то приключениями, все что-то со мной происходит,— с улыбкой отвечаю ей. — Не случайно в университете меня подруги в шутку называли Людой — Ни дня без приключений. Слава Богу, что приключения-то — все больше добрые, хорошие, забавные, смешные даже. А еще, помню, как батюшка крестил меня в Майме; окуная в чан с водой, с размаху стукнул головой в дно чана — не рассчитал, я уж большая была — лет пять — шесть. Помню, как он меня в макушку поцеловал, погладил по голове и сказал: «Ничего, зато всю жизнь с приключениями будешь». Так оно и вышло.

Дом тогда наш, кош-агачинский, продавался недорого. Такую

сумму, все сбросившись, мы могли бы собрать и прямо в тот же приезд и купить его. Я предложила: «Давайте купим этот дом. Это ж так здорово иметь на земле дом, где ты появился на свет», но родные меня не поддержали, мол, за домом следить нужно, а в такую даль, на край света, не наездишься, тем более с малыми детьми. А в ту пору ведь не как сейчас, — на такси или маршрутке за четыре — пять часов доехать можно, — тогда на ПАЗике по летней жаре или в зимнюю стужу тряслись, мягко говоря, не по самой лучшей дороге — по горным серпантинам — весь день, часов одиннадцать, зачастую с промежуточным ночлегом в доме-заежке в Онгудае или на Ине. Да и Чуйский тракт был тогда не таким широким, гладким и ровным, с разметкой, как сейчас. Узкая шоссеиная дорога шла высоко по горам — опасные, крутые серпантины, перевалы; по сторонам — отвесные скалы и головокружительные обрывы над Катунью. Зимой не сразу и доберешься. Не дай Бог, снег, туман или метель — встанешь надолго или, чего доброго, в Катунь с крутизна сорвешься. Короче, не купили мы наш дом, сейчас его и в помине нет, но в моей-то памяти он остался.

...Стояла я на том самом месте, где он был когда-то, смотрела

на открывающуюся панораму — непрерывная цепь причудливых гор, скрывающихся в медленно ползущем белесом тумане, припорошенных на вершинах первым выпавшим в горах снежком, и вдруг поняла, почему мне так дороги горы, отчего я их так люблю. Первое открывшееся передо мной пространство, когда меня, грудного ребенка, вынесли на руках на улицу, были вот эти, не изменившиеся с той поры горы, видимо, сильно поразившие мое воображение своим марсианским видом. А ведь говорят же, что у ребенка ярче всего запечатлеваются в подсознании самые первые впечатления, особенно, если они яркие и необычные. Тогда, видимо, в первый год моей жизни на этой земле, и зародилась во мне столь сильная любовь к горам и скалам, которую не изгладили даже долгие годы моей жизни в Среднерусской полосе. Горы, бурные реки — вся природа Горного Алтая плюс смесь во мне кровей, алтайской и русской, наложили отпечаток и на мой характер, складистым который уж никак не назовешь, скорее взрывной, импульсивный, бурный; вспыльчивый, но отходчивый и не злопамятный. Поистине, мы все — из детства родом. Его, родимое, проносим через всю нашу жизнь, какой бы она ни была.

...А потом мы карабкались на вездеходе еще выше и выше в горы, в самое поднебесье, в Джумалу с ее многочисленными целебными источниками, находящуюся рядом с реликтовым плато Укок — священное для алтайцев место — Зона Тишины, где и была найдена знаменитая алтайская принцесса, хранящаяся ныне в национальном музее г. Горно-Алтайска. Но это уже другое повествование...